

НЕОПЛАТНЫЙ ДОЛГ

Т. В. Левчуку — 70 лет

— Тимофей Васильевич, в своей жизни Вам приходилось давать много интервью. И как режиссеру, и как руководителю Союза кинематографистов Украины, и как профессору, и как депутату Верховного Совета СССР. Но поскольку встретились мы накануне Вашего юбилея, то сегодняшнее интервью особое, быть может, единственное в своем роде...

— Действительно, — с улыбкой соглашается Тимофей Васильевич, — в жизни раз бывает 70 лет.

— ...поэтому хочется, чтоб Вы вспомнили о самых значительных страницах своей жизни. Связаны ли они с кинематографом? Когда состоялась Ваша первая встреча с ним?

— Дороги мне воспоминания детства. Но отец, ни мать не думали, что пойдут в искусство. С малых лет приучали меня к крестьянскому делу: пас животины, косил сено, волил в ночное коней, ходил в лес за хвостом.

В кино, страшно сказать, я уже полстолетия. Кинематограф — моя жизнь, поэтому самые большие радости, а подчас и огорчения связаны именно с ним. Первая встреча? Помню, в нашу школу привезли какой-то странный прибор, на стену повесили белое полотно, и вдруг на нем ожили люди. Они резали тростник. Работа вроде самая немудреная, но это было, как чудо. Проектор приводился в действие «человеческой силой». Мы с хлопцами становились в очередь, чтоб покрутить ручку удивительно-го аппарата.

Когда учился в профшколе, группе лучших учеников была предоставлена возможность совершить большое (даже по нынешним временам) путешествие: Киев — Днепрпетровск — Хортица. Ездил и я. И такая, видно, моя планета: как раз тогда на днепровских порогах (сейчас они под водой) киногруппа снимала натуру для фильма «Ветер с порогов». И вот там впервые увидел, как делается картина, увидел ко-

рифея Садовского. В то время я уже сам пытался играть на самодеятельной сцене, серьезно интересовался театром, не пропускал ни одной картины. Так что съемки самого настоящего фильма с любимым артистом вызвали у меня не праздничный интерес.

Не могу не вспомнить и о таком эпизоде. Уже на войне. Под Харьковом. Представьте ситуацию: идет подготовка к взятию города — операция по своим масштабам значительная, обстановка — напряженнейшая. И вот — случай! — встречаю Александра Петровича Довженко, худого, в запыленной полковничьей шинели. Страшно обрадовался друг другу. Это же он читал нам, студентам киноинститута, лекции. Говорили об искусстве и, конечно, с войне. До сих пор помню довженковские интонации. Александр Петрович говорил с каким-то праздничным, возвышенным настроением. Оно и понятно, не сорок первый год стоял на дворе — мы наступали. Встреча с Довженко — как подарок судьбы...

Как режиссер я бываю счастлив, когда читаю благодарные письма зрителей. Как педагог рад, когда мой студент приходит на занятия подготовленным, собранным, со «своими идеями». Как депутат испытываю удовлетворение, когда нечто смог помочь людям, облегчил чью-то судьбу.

— До эпопеи о партизанах-ковпаковцах в Вашем творческом багаже уже была такая лента о киевских подпольщиках, как «Два года над пропастью». И все-таки Вас трудно было назвать художником военной темы. Киноэпопея «Дума о Ковпаке» открыла зрителям новую грань Вашего таланта. Причину, вероятно, следует искать в Вашей биогра-

фии? Как для Вас началась война?

— Как и для многих, 22 июня пришел в военкомат, 23 выехал во Львов, а 24 под Яворовым принял свой первый бой, бой рукопашный. Тогда впервые — не на экране — живьем увидел мурло фашиста.

— Но ведь на войне нужны были и кинематографисты...

— Глубоко убежден, что в то трудное для страны время нужнее были солдаты.

Впрочем, так думал не только я. Так думал Вершигора, мой хороший друг, с которым вместе работали на студии, с которым в соавторстве сняли фильм об украинских свекловодах. Подошла година, кинорежиссер Киевской кинофабрики (она тогда так называлась) стал прославленным партизанским разведчиком. Так думали миллионы советских людей, которые, оставив любимую работу, близких и родных, надели в июне сорок первого солдатские шинели.

Потом уже пришло понимание, что у каждого на войне свое дело, свой участок, свое место.

Разумеется, и кинематографисты нужны были. Работа фронтового оператора Бориса Вакара, который участвовал в ковпаковском рейде, позволила с наибольшей точностью воспроизвести партизанский быт и боевые будни. К партизанам он поехал по личной просьбе Довженка, который тогда работал над большим документальным фильмом «Битва за Правобережную Украину». Борис Вакар, побратим по искусству, погиб. Погиб на боевом посту с кинокамерой в руках, но то, что он сделал, — для кинемато-

графа поистине бесценный клад.

Я же всю войну прошел связистом в частях регулярной армии. Судьба моя сложилась так, а не иначе, и я об этом не жалею. В составе 2-го Украинского фронта довелось воевать на Курско-Орловской дуге. Никогда не забыть мне украинского села Кишеньки, возле которого наша часть вышла к Днепру, не забыть, как в тяжелейших условиях приходилось устанавливать связь через Славутич...

Участвовал в Корсунь-Шевченковской битве... По быкам взорванных мостов тянул связь через февральский Дунай в Будапешт. Дальше — земля братской Чехословакии. Войну закончил в Австрии в звании гвардии майора. Одним из главных событий жизни считаю 9 мая 1945 года. Этот день стал звездным часом всего народа и мом, как маленькой его части. Словом, жизнь привела меня через такие исторические события, о которых надо должно говорить художнику. Но и это, как говорится, не все объяснение.

Победа над немецким фашизмом не стала победой над мировым злом. В некоторых странах еще сохранились и действуют сегодня силы, которые породили фашизм.

И я, и другие фронтовики об этом помнить обязаны. Говорить правду о войне надо ради наших детей и внуков.

Своими фильмами хочу воздать должное живущим среди нас фронтовикам, тем, кто прошел дорогами войны, дорогами тяжелых испытаний.

К этому примешивается и чувство, которому нет названия, но которое так тонко выразил в своих стихах Твардов-

ский: «Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны. В том, что они — кто старше, кто моложе — остались там, и не о том же речь, что я их мог, но не сумел сберечь — речь не о том, но все же, все же, все же...»

Хочется хотя бы частично возвратить неоплаченный долг живым павшим, заслонившим собой и страну, и весь мир.

— А что же все-таки послужило отправной точкой при создании фильма?

— Перечитывая записные книжки Александра Петровича Довженко, не раз останавливался на его письме к Вершигоре: «Описывайте социальные явления, характеры. Записывайте отдельные мысли свои, людей. Ковпака. Помните, Ковпак должен остаться в искусстве и в истории Украины. Это должны сделать Вы. Говорят, старик чрезвычайный оригинал, тонкий и мудрый человек, настоящий сын народа. Перелавайте ему мой самый низкий поклон и братский привет, пусть он будет здоров». Довженко первым увидел в Ковпаке героя нашего искусства. Я знал его лично. В Верховном Совете республики вместе решали вопросы. Он всегда был мне симпатичен чисто по-человечески. Но к этому еще добавляется мое уважение за то, что было сделано им на войне, за ту огромную работу, которую он проводил после войны. Это был действительно настоящий сын народа. Письмо Довженко и было той отправной точкой...

Хотелось максимально приблизить фильм к документу. Вся группа прошла по маршруту соединения от Путивля до Карпат. И все-таки наш фильм — не протокол.

Для меня в любом искусстве все начинается с человека и кончается человеком. И я при-

нимаю то, что приводит меня к человеку, и решительно отвергаю то, что уводит меня от него. Прежде всего хотелось рассказать о людях — Ковпаке, Рудневе, Вершигоре... Но как же воплотить образы этих легендарных личностей на экране?

Решать ленту надо в жанре народной эпопеи: войну выиграл народ. И на такой войне нельзя быть героем, не будучи народным героем. Константин Степанков так и сыграл Ковпака. Сыграл блестяще. И это не только мое мнение. Образ пламенного Руднева с таким же накалом раскрыл мой белорусский брат Виталий Белохвостик.

— Какую главную черту выделили бы Вы, говоря об искусстве?

— Сила примера. Пример — это всегда человек, его дело. О силе, заразительности экранного примера можно говорить, приведя массу доказательств. Как положительных, так и отрицательных. Мне приходилось бывать в США, Канаде, других капиталистических странах, я видел людей буквально искалеченных кинематографом, разжигающим животные инстинкты, пропагандирующим чело-веконенавистничество. Чтоб не выходить, так сказать, из русла, в котором течет беседа, сошлюсь на Отечественную войну. Болела ли душа гитлеровского солдата, когда он жег, убивал, насиловал? Нет. Для этого надо высокое сознание, а его у фашистского солдата не было. Переживал ли трагедию советский солдат? Да. Взять хотя бы ту же Корсунь-Шевченковскую операцию. Когда гитлеровцы были окружены, наше командование через парламентария предложило им сдаться. Генералы отказались. И вот наш солдат, понимая чудовищную бессмысленность фашистских притязаний и всю бессмысленность человеческих жертв, вынужден был добить отчаянно сопротивлявшегося врага. Из столкновения нового мира со старым,

в борьбе, которая в военное время доходит до крайних своих форм, высекается трагедия. И то, что советский солдат осознавал эту трагедию, сделало его потом, в послевоенное время, еще более страстным пропагандистом идей мира. Напомню: Европа уже тридцать седьмой год живет без войн.

Когда я прохожу аллеями сада, коридорами нашей студии, часто рассматриваю фотографии — кадры из старых фильмов, снятых на студии имени А. Довженко, отметившей недавно свое 50-летие: «Шорс», «Трактористы», «Большая жизнь», «Истребитель», «Богатая невеста»... Персонажи этих фильмов — характеры сильные. Увиденные художниками в гуще, в кипении жизни и запечатленные в искусстве, оказались долговечными, остались в памяти народа. Герои фильмов вошли в нашу жизнь. За довоенные годы, срок исторически короткий, нашему обществу удалось сформировать новый тип личности. Свою лепту в дело воспитания советского человека на высоких принципах гуманизма и интернационализма внесли и советские кинематографисты. И сегодня я и мои коллеги работаем с тем же настроем, с каким работали наши старшие товарищи, создавшие те замечательные ленты.

— И традиционный вопрос. Над чем работаете сейчас?

— Начали снимать фильм о той, уже легендарной, Корсунь-Шевченковской битве. Если говорить о более отдаленных планах, хочу сделать ленту о Николае Витальевиче Лысенко, чью музыку очень люблю.

— Спасибо, Тимофей Васильевич, позвольте в день Вашего 70-летия и 50-летия творческой деятельности пожелать Вам крепкого здоровья и счастья.

Интервью взяла
Е. ПОЗДНЯКОВА.